

ТІЛ БІЛІМІ

МРНТИ 16.31

Л.Ю. Мирзоева¹¹Университет имени Сулеймана Демиреля, Каскелен, Казахстан**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭВОЛЮЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ
(ВЗАИМОСВЯЗЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО НАЧАЛ)**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению средств выражения оценки, бытовавших в русском языке XIX века, в диахроническом аспекте. Автор сосредотачивает внимание на амбивалентности целого ряда оценочных проявлений, а также на стереотипах, которые имеют своеобразный межкультурный характер. В их состав включаются не только единицы ономастического инвентаря, но и любые символы, за которыми закреплены устойчивые оценочные ассоциации, оказывающие влияние на национальное мировосприятие и являющиеся органичной частью системы средств выражения оценки, характерной для языка рассматриваемой эпохи. Помимо анализа оценочных проявлений в рамках их соотношения с национальными особенностями мировосприятия, затрагиваются проблемы порождения и восприятия значений кажимости, проблемы десакрализации сознания и отражение этого процесса в системе средств выражения оценки.

Ключевые слова: Средства выражения оценки, диахрония, оценочный стереотип, норма, кажимость.

О кристаллизации нормативно-оценочных представлений можно говорить в том случае, когда мы имеем дело с относительно стабилизированным набором оценочных стереотипов и средств их выражения, что характерно для русского литературного языка XIX в. Конечно, говорить о стабильности языковой картины мира в полном смысле этого слова нельзя, так как это явление по сути своей динамичное, детерминируемое рядом экстралингвистических факторов, но стабильное и четкое соответствие семантики и формы выражения, фиксируемое в сознании носителя языка, характерно для русского языка с начала XIX в.

При рассмотрении фонда оценочной лексики и ее эволюции в русском литературном языке XIX в. нам представлялось целесообразным опираться на типологию частнооценочных значений в зависимости от характера основания оценки, предложенную Н.Д. Арутюновой [1]. Преобладание того или иного вида оснований оценок в системе аксиологических ориентаций языковой личности и целого языкового коллектива может, на наш взгляд, служить одной из важных характеристик и, в целом, помогает определить систему приоритетов и специфику их актуализации в речи. Как подтверждает анализ конкретного материала, большая часть выявленных нами в литературном языке XIX в. средств выражения оценки (далее – СВО) соотносится с психологическими и этическими оценками, далее по широте распространения следуют эстетические и нормативные оценки (последние, заметим, отнюдь не всегда возможно идентифицировать в отрыве от эстетических, психологических, этических).

Если рассматривать процесс эволюции аксиологической системы языка, сопоставляя ряд «срезов» (фонд оценочной лексики в XVII, XVIII и, наконец, XIX в.), можно утверждать, что наиболее часто встречаются следующие виды динамики оценочности и средств ее выражения: 1) языковая единица сохраняет закрепившийся за ней оценочный знак на протяжении всех указанных периодов; 2) знак оценки, присущий языковой единице, трансформируется вплоть до замены на противоположный; 3) языковая единица обретает потенциальную амбивалентность; 4) языковая единица, являющаяся позитивной/негативной квалификацией, только обретает права гражданства в языке (она может быть как

заимствованной, так и образованной в русском языке в течение данного периода). Приводимые ниже случаи подтверждают справедливость данного утверждения.

Нормативное употребление (в это понятие в качестве одного из компонентов следует, по нашему мнению, включать и нулевую оценку, т.е. отсутствие в семантике слова аксиологической маркированности) имплицитно содержит в себе виртуально существующие оценочные смыслы, которые могут индуцировать отклонение от нормы в сторону положительного либо отрицательного полюса шкалы оценок.

Так, отчетливо выявляется ориентация на пейоративное оценивание несоответствия фиксированным в языковой картине мира представлениям, в частности, превышение нормы, ср.: *Эксцентричный* – ‘выходящий из разумной середины’ (нечто крайне странное, чудаковатое”. Как указывает Е.М.Вольф, «другой модальностью (наряду с “модальностью оценки” – Л.М.), где картина мира входит в модальную рамку, является модальность, которую можно условно назвать “модальностью странности” и которая непосредственно указывает на отношение к норме и стереотипам с точки зрения модального субъекта. Эта модальность имеет два значения – совпадение с нормативным положением вещей и отклонение от него, причем маркированным является отрицательное значение - отклонение от норм и стереотипов» [3, с. 179], см. также [4]. *Пристало, как корове седло* («Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому *пристало генеральство как корове седло!*» (Н.В. Гоголь. Ревизор). Достаточно часто негативная оценка порождена несоответствием субъекта действия (речи) характеру этого действия (речи): *Неумытые руки* – лица недостойные, *неподходящие*, неподготовленные к делу; «*Не умыв рук*, за стол не садятся»; «Нам, говорит, нужны *чистые руки*» (Н.С. Лесков. Колыванский муж). В ряде случаев сема “чрезмерность” индуцирует пейоративно оценочный смысл лексической (фразеологической) единицы: *Телячьи нежности* - чрезмерно нежное выражение ласки. «Маму свою он очень любил, а не любил только “*телячьих нежностей*”, как выражался он на своем школьническом языке» (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). Основа негативной оценки – “то, что не соответствует (не подобает) человеку”. К числу отрицательных оценок, порожденных понятием несоответствия нормативным представлениям, следует отнести и языковые единицы, в семантике которых заложено понятие “ненужность” (по классификации Н.Д. Арутюновой их следует соотносить и с утилитарными квалификациями) (ср. *Нужно, как петровкам варезки, [Нужно], как прошлогодний снег*: «Бревно! пень! Школой он так же интересуется, как я *прошлогодним снегом!*» (А.П. Чехов. Кошмар).

Негативная оценка может быть индуцирована также наличием семы ‘чужой’ (в т.ч. относящийся к иному социальному кругу, иной национальной культуре и пр.): «Знать, любить *не рука* мужику-вахлаку да дворянскую дочь». (Н.А. Некрасов. Огородник) – негативная оценка личности на основании принадлежности к иному социальному слою; *ферфлюхтер* – бранное обозначение немца: «И все *ферфлюхтеры*, все немцы мешают, сказал Ломоносов...» (П. Данилевский. Миревич) – основанием для соотнесения СВО с пейоративной частью шкалы оценок служит принадлежность объекта оценки к иной национальной культуре.

Напротив, ряд квазистереотипов носит своеобразный межкультурный характер. В их состав нами включаются не только единицы ономастического инвентаря, но и любые символы, за которыми закреплены устойчивые оценочные ассоциации, оказывающие влияние на национальное мировосприятие и являющиеся органичной частью системы СВО). Ср.: «Какая я тебе матушка, *пигмей* ты этакой! Как смеешь ты давать такое название благородной даме, которой место в высшем обществе, а не подле такого осла, как ты!» (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон). Формированию квазистереотипа способствовал перенос негативной оценки физических качеств мифологических пигмеев (см. «Илиаду» Гомера, которую в данном случае можно рассматривать как первоисточник) в область духовно-нравственную (сема “низкий”, “небольшой”, актуализируясь применительно к духовной

стороне характеризуемой личности, индуцирует негативную оценку (достаточно высокой интенсивности). Во многом сходная ситуация наблюдается в том случае, когда мы имеем дело с аксиологическими ассоциациями, в основе которых лежит эстетическая оценка денотата: “Паук - кровопийца, человек беспощадный, извлекающий выгоды из трудов другого”. Ср.: «Наработался, значит... Пососал ты из меня крови, высосал и вон меня... Ах ты ... паук!» (М. Горький. Коновалов). Такие квазистереотипы можно отнести не к национально своеобразным, а, напротив, к межкультурным, которые не только не являются помехами в процессе декодирования текста представителем иной лингвокультурной общности, но, напротив, служат своеобразными «мостиками», «зацепками» и помогают адекватно воспринять оценочный план текста (см. [2]. Ср. также *пантера* – ‘злая, свирепая женщина’ (Русская мысль и речь).

Контекстуальная инверсия оценочного знака в иных СВО рационально оценочного характера также способствует формированию их экспрессивных возможностей: *Квасной патриотизм* – чрезмерная (т.е. превышающая нормативные представления, “что плохо” – Л.М.) любовь ко всему родному, “хоть и худому” (М.И.Михельсон). «Белинский *боле*л (курсив мой – Л.М. – снова подчеркивание “странности”, отклонения от нормы как базы для возникновения пейоративно оцениваемого явления) *квасным патриотизмом* недолго» (И.С. Тургенев. Заметки). Вполне естественным и закономерным следствием “странности” данного явления в восприятии самих продуцентов является актуализация оценочных смыслов, наделенных еще большей интенсивностью – это аксиологические коннотации “фальшь”, “показной характер”: «*Патриот иной у нас/ Закричит ”дю квас, дю квас,/ Дю рассольник огуречный!”/ Пьет и морщится, сердечный /Кисло, солоно, мове,/ Ме се Рюс – э ву саве, / Надобно любить родное, /Дескать, даже и такое,/ Что не стоит ни гроша...*» (И. Мятлев. Сенсация госпожи Курдюковой).

Обратим внимание на то, что и ирония, и сопряженная с ней негативная оценка явления интенсифицированы путем столкновения «своего» и «чужого», и при этом оформление «чужого» содержания – грамматики и семантики – при помощи “своей” формы – графики – также служит показателем диссонанса, в основе которого лежит ненормативность использования языковых единиц.

Заметим, что инверсия оценочного знака в СВО с эмотивной оценкой способствует интенсификации их экспрессивного потенциала. Так, оценочный колорит лексемы *помпа* – “великолепие, пышность” – в результате актуализации семы “чрезмерность” инвертируется: «Граф... прислал известить бабушку, что он пожелает к ней ...вместе с губернатором, который его ей отрекомендует. Бабушке не понравилась эта *помпа*» (Н.С. Лесков. Захудалый род). Обратная инверсия также имеет место, в т.ч. и тогда, когда невысокая степень положительной оценки может быть порождена “отрицанием отрицания”, т.е. отрицанием пейоративного смысла СВО.

Инвертироваться может и заложенная в инвективах пейоративная оценка [5], порождая в свою очередь оценку двоякую:

- мелиоративную оценку того или иного объекта (с высокой степенью экспрессивности, вообще характерной для инвектив и усилившейся благодаря инверсии);
- пейоративную оценку реципиентом самого субъекта оценочного высказывания как языковой личности, и, в частности, его лексикона (ср. : «Славный! Сибирский, знать, *подлец!* Породистый, *шельма...*» (Речь идет о коте – Л.М.) (А.П.Чехов. Забыл!); «Ты *разлапушка, расканальюшка* моя!» (Русская мысль и речь).

Превышение нормы, того, что соответствует представлениям субъекта оценки, служит базой оценочной инверсии и применительно к такому специфическому пласту СВО, как оценки речи, ср.: “*приторные речи*” (в словаре «Русская мысль и речь» определено как “через край прилаженные, слащавые”). По нашему мнению, основа такого своеобразного синтеза высшей степени пейоративной и мелиоративной оценок возможна лишь при рефлексии достаточно высокого уровня – рефлексии над лингвопсихологическими

особенностями выражения и восприятия оценки [7]. Как свидетельство такой рефлексии над оценочными средствами инвентаря языка и их соответствия нормативным представлениям субъекта оценки как языковой личности можно рассматривать изречение П.А. Вяземского «не в меру похвала опасней брани едкой» (П.А. Вяземский. Жрец и Кумир).

Как потенциально амбивалентные проявляют себя в литературном языке XIX в. такие лексемы и фразеосочетания, оценочный знак которых индуцирован преимущественно контекстуальным употреблением (т.е. такие СВО, которые первоначально были безразличны к оценочной шкале): «Не тот *коленкор*» (“не то”, “нечто, не соответствующее норме (чаще всего – не достигающее ее)” – «Вот уж девушка! Можно сказать – *чудо каленкор!*» (Н.В. Гоголь. Мертвые души). Ср. также *идол* – “1. Некто (нечто), страстно и безрассудно любимый(ое); 2. Бранное употребление в качестве синонима к “болван”, “истукан”. «Комфорт... он один наш *идол*, и в жертву ему приносится все дорогое...» (А.Ф. Писемский. Тысяча душ); «Глаза бы мои на тебя не глядели, *идол!*» (А.П. Чехов. Невидимые миру слезы). В последнем случае эмотив полностью утратил предметно-логическое содержание и трансформировался в обращение, носящее инвективный характер; “*елей*” (и производные – “елейный”, елейность”): «Он был в каком-то *елейном* и добром расположении духа» (А.Ф. Писемский. В водовороте) (отчетливо эксплицируется мелиоративная оценка): «А кто же, однако, такая, ваш идеал? – Мать Самуила. – Вон кто! родители мои, что за *елейность!*» (синоним к “ханжество” – Л.М.) За что бы это она в такой фавор попала? (Н.С.Лесков. Островитяне). «...плоха, говорю, Евпраксеюшка – того гляди помрет! – грубо настаивала Улитушка. На сей раз Иудушка обернулся, но лицо у него было такое спокойное, *елейное*, как будто он только что, в созерцании божества, отложил всякое житейское попечение и даже не понимает, по какому случаю могут тревожить его» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Широкий контекст дан нами для того, чтобы отчетливо проследить актуализацию оценочного смысла “лицемерие”, а также характерную для данного СВО соотносительность с отправлением религиозного культа (что в данном случае служит отсылкой к основанию оценки, с одной стороны, и базой для ее инверсии – с другой). Инверсии оценочного знака способствует и предшествующий контекст (диссонанс реакции с характером ситуации и с оценкой речи – “грубость”/“елейность” – порождает у реципиента в результате негативную оценку противоположных явлений). Ср. также употребление данного лексического СВО в качестве оценки речи: «Больно? – спросил он, сообщая своему голосу ту степень *елейности*, какая только была в его средствах» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Здесь, по нашему мнению, налицо превышение нормативных представлений о “хорошем”, мелиоративно оцениваемом (в т.ч. и в плане характеристики чужой речи), следствием чего и является соотношение СВО с пейоративной частью шкалы оценок.

Как своеобразный итог секуляризации сознания и, следовательно, языка отметим регистрацию амбивалентно оценочного потенциала единиц лексико-фразеологической системы, связанных с церковью и – шире – религиозным культом (приведенные случаи с лексемами “идол”, “кумир”, “елейный” и пр., конфессиональный характер которых в XIX в. еще отчетливо ощущается). Как свидетельство снижения сакрального колорита и – следовательно – обретения возможности выражать как положительную, так и отрицательную оценку отметим появление в XIX в. (зафиксировано нами еще в 1-й его четверти) достаточно широко распространенного в художественном тексте фразеосочетания *притянуть (потянуть) к Иисусу* (т.е. отдать на расправу, отправить на суд): «По духу времени и вкусу я ненавижу слово: раб, меня и взяли в главный штаб, и *потянули к Иисусу*» (А.С. Грибоедов. Экспромт); «А! писатель! – я его ищу, а он вот где! Что, батюшка! *К Иисусу притянули?* трясутся поджилки-то? ха-ха!» (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности. Господа Молчалины).

Расширительному толкованию и связанной с ним метафоризации подверглась также лексема *апостол*: как указывалось выше, в языке XVII и XVIII вв. она имела сугубо

конфессиональный характер и в силу особенностей семантики наделялась лишь мелиоративным значением: апостол – ученик Христа, посланный им проповедовать Евангелие: *Пресвитеру подобает быть подобно апостолом христовым, чтоб они ни о здравии своем, ни о богатстве, ни о пище своей тако не пеклися, како о спасении души человеческих* (Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве). Приведенный нами текстовый фрагмент свидетельствует о высоком мелиоративно оценочном потенциале данной лексической единицы, о тесной связи ее с понятием «идеал», что само по себе проецирует ее на позитивную часть шкалы оценок. Однако в XIX в. произошло ее своеобразное обмирщение (как следствие расширения значения): *апостол* стал восприниматься как приверженец, апологет, убежденный пропагандист чего-либо: М.И. Михельсон указывает, что это иносказательный способ выражения значения ‘распространитель новой (по месту или времени) идеи’ (намек на Св. Апостолов, проповедовавших учение Божие). «Данилевского... в Австрии зовут *апостолом* славянства» (К. Бестужев-Рюмин); «Неутомимы бойцы мысли и дела, *апостолы* независимости и нового общественного порядка... они-то нам протягивают ... дружескую руку» (А.И. Герцен). Следовательно, позитивно оценочная сема превалирует на данный момент развития в семантике данной единицы. То же можно сказать и о производных: «Наукой и искусствами, очевидно, ничего не поделаешь... Тут единственный выход – это *апостольство*». (А.П. Чехов. Припадок) (ситуативно речь идет о горячей пропаганде, о спасении падших – Л.М.). Однако, если рассмотреть ее в исторической перспективе, уже в языке XIX – начала XX в. наблюдается актуализация потенциальной амбивалентности, инверсия оценки: «Сомова встретила студента задорным восклицанием: Ох, *апостол* правды и добра, какой вы смешной!» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина). Важно отметить, что именно торжественный, книжный характер данного СВО послужил основой для трансформации знака оценки: превышение нормы в плане функционально-стилистическом на фоне общей тенденции десакрализации церковной лексики послужило причиной актуализации иронии. Другой предпосылкой послужила уже отмеченная выше метафоризация, т.к., как указывает О.П. Ермакова, «иронически могут употребляться разнообразные языковые и индивидуальные метафоры. Ср. *газель* (о толстой неуклюжей женщине), *лев, сокол* (о трусливом человеке)... ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, оценки, характеристики: она присутствует в преувеличении мнимой похвалы... и мало реагирует на умеренность оценки...» [6, с. 31].

В сфере негативно оценочной лексики оценочная трансформация и переосмысление СВО выглядят несколько иначе. Так, совершенно иная ситуация наблюдается при рассмотрении эволюции оценочных смыслов, заложенных в сугубо конфессиональной лексеме *анафема*. Выше уже указывалось, что в языке XVII в. с ней соотносятся лишь значения ‘отлучение от церкви, проклятие’, а также ‘человек, отлученный от церкви’: «Еже есть проклять, осужден и отлучен, паки глаголется *анафема*» (Челобитная старца Авраамия, 1670). В русском литературном языке XVIII в. еще сохраняется узко конфессиональная направленность данного негативно оценочного средства, ср.: «Церковное проклятие, которым еретики отлучаются от церкви: Анафемою бо отсекается человек от мысленного тела Христова» (И.И. Срезневский. Древние памятники). Словарь русского языка XVIII в. дает также значения ‘проклятый, завет, заклятие’, которые, однако, также не выходят за рамки церковной лексики и соответствующей оценочной картины мира. В плане функционально-стилистическом мы видим здесь диссонанс с планом аксиологическим: принадлежность к церковной лексике, стилистическая отмеченность (соотнесенность с высоким стилем, «что хорошо») контрастирует с негативной оценочностью данной лексической единицы, заложенной в ее денотативном значении. Указанная стилистическая квалификация данной лексической единицы ограничивает сферу ее употребления (налицо ее книжный характер).

Однако в литературном языке XIX в. мы видим отчетливо выраженное функционально-стилистическое снижение и выведение данного понятия за рамки

конфессиональной лексики: торжественно-мрачное *анафема* низводится до понятия бытового ругательства, употребляемого во вполне обыденных ситуациях живого общения, моделируемых также в художественных текстах: «Это письмо должен Вам доставить мой ключник Трофим ровно в 8 часов вечера... Если доставит позже то значит в кабак *анафема* заходил...» (А.П. Чехов. Письмо к ученому соседу). То же касается и производных, более поздних по времени возникновения (оценочный атрибутив *анафемский* не зафиксирован ни Словарь русского языка XI-XVII вв., ни Словарь русского языка XVIII в.): «Да что прикажешь делать с этой *анафемской* кухаркой?» (И.С. Тургенев. Месяц в деревне) – употреблено в качестве инвективы. Безусловно, нельзя утверждать, что в системе русского литературного языка XIX в. существует лишь сниженное, бранное значение данного слова: в этом случае мы можем говорить о его своеобразной функционально-стилистической амбивалентности при едином негативном знаке, характеризующем аксиологическую сторону значения: и в рамках микроконтекста *Гремит анафемой собор* (А.С. Пушкин. Полтава), и в вышеприведенной фразе из рассказа А.П. Чехова направленность на пейоративную зону шкалы оценок очевидна, однако позитивная стилистическая квалификация в первом из этих случаев налицо. Следовательно, пейоративность имеет разный характер благодаря разной стилистической квалификации; можно также утверждать, что в первом из случаев в системе оценочной лексики русского языка XIX в. данное слово является рационально оценочным, в то время как в инвективе отражена оценка эмотивная. Таким образом, мы видим, что секуляризация сознания и репрезентация этого процесса в рамках оценочной картины мира может в некоторых случаях привести к своеобразному расщеплению, с одной стороны, функционально-стилистических квалификаций и аксиологических параметров, и, с другой стороны, рационально и эмотивно оценочных элементов семантики слова.

В то же время еще вполне отчетливо выявляется позитивно оценочный характер понятий “святость”, “святой” в картине мира русской языковой личности вплоть до конца XIX в. и их связь со сферой этических оценок [8]: *хоть святых выноси* – о чем-либо оскорбительном для нравственного чувства и в то же время для того места, где находятся изображения святых. Ср.: «Что за охота – писать, коли таланту Бог не дал – только людей смешить. Иной и умный кажется человек, а как возьмется за перо – *хоть святых вон выноси*» (И.С. Тургенев. Месяц в деревне); «Умный человек – или пьяница, или рожу такую строит, что *хоть святых выноси*» (Н.В. Гоголь. Ревизор). Можно говорить и о том, что рассматриваемое здесь понятие служит своего рода аксиологическим ориентиром, позволяющим отделить реальность мелиоративно оцениваемого качества (“ум”, “талант”) от кажимости. Несколько более сложным будет случай диссонанса мелиоративного значения и значения кажимости (ср. диссонанс позитивно оценочных смыслов, закрепленных в палитре за цветовыми прилагательными “в радужном цвете видеть”, “в розовом цвете”, и негативного “не соответствует истине (действительности), что плохо”). Как утверждает С.Б. Цыганков, негативность в оценке происходящего события выражается в микрогруппе фразем, объединенных интегрирующей семой «желание произвести определенное впечатление», – ФЕ для модели, для пущей важности, для видимости, для отвода глаз, для вида (виду), для (ради) красного словца. По мнению исследователя, «желание придать себе более значительный вид свойственно в большей или меньшей степени любому человеку, независимо от национальной принадлежности, во многом определяющей ментальные черты личности. Можно утверждать, что подобное желание достаточно сильно в культуре русского человека...» [9, с. 58]. В культурологическом плане данные фраземы выражают стремление субъекта произвести на объект действия определенный эффект, зачастую преувеличенный, приукрашенный: «Воспоминание этого драгоценного дня услужливо расписывало ему все предметы радужными цветами...» (В.И. Даль. Мичман Поцелуев); «Ты представляешь себе жизнь слишком в розовом цвете... Ты ждешь от нее непременно чего-то хорошего, а она дает не то, чего от нее требуют капризные дети...» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Можно утверждать, что в этих случаях в процессе анализа обнаруживается многоступенчатость процесса оценивания:

а) соответствие реалии (представления) оценочной картине мира языковой личности (которая может быть и “искусственной”, “вторичной”, в частности – литературным героем) – оценивается знаком +;

б) соответствие действительности (в плане “истинность/ложность”) – оценивается отрицательно;

в) имплицитная характеристика самого субъекта оценки, для которого характерно включение подобных представлений в оценочную картину. Таким образом, в данном случае негативные квалификации, индуцируемые понятием кажимости, подготавливают инверсию знака оценки.

Продолжая рассмотрение случаев инверсии оценки, отметим, что инвертированный знак оценки, индуцируемый контекстуальным употреблением, отмечается и в СВО, изначально мелиоративных: «И *рыцари* слепой рулетки/ За сбором золотых крупниц...» (П.А. Вяземский. Баден-Баден); «Помпадур (города Навознаго) – *рыцарь без страха и упрека*; он – Баяр из истории Смарагдова и Дюнуа из театра Буфф» (М.Е.Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши). Контекстуальное несоответствие (как семантики, так и сферы употребления синтагматически связанных лексических единиц), порождающее в процессе декодирования эффект обманутого ожидания, зачастую служит той же цели, ср.: «Теперешний *принципал* корчмы с первого взгляда производит совсем иное, как будто легкомысленное впечатление» (Н.С. Лесков. Антука).

Таким образом, в процессе формирования системы СВО русского литературного языка XIX в. оказываются задействованными различные основания оценки, которые, выступая в тесном взаимодействии с рефлексией языковой личности над фактами языка, способствуют развитию оценочной амбивалентности и инверсии оценочного знака, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему развитию многомерности и многоплановости оценок в речи и тексте. Можно утверждать, что эволюция оценочной системы движется как по линии усложнения семантики и прагматики «внутри» лексической/фразеологической единицы, так и по линии установления разветвленных контекстуальных связей и расширения прагматического потенциала лексем/фразеологизмов.

Список использованной литературы:

- 1 Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-23
- 2 Андреева Л.А. Семантика состояния и ее языковое выражение: диахронический аспект // Языковая семантика и образ мира. – Казань, 2008. – С. 183-188
- 3 Вольф Е.М. Оценка и «странность» как виды модальности // Язык и логическая теория. – М., 1987. – С. 178-186
- 4 Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и в тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52-66
- 5 Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания // Вестник МГУ. Сер. Филология. – 1997. – № 3. – С. 87-95
- 6 Ермакова О.П. Ирония и проблемы лексической семантики // Известия АН. – Серия литературы и языка. – 2002. – Т. 61, № 4. – С. 30 – 36
- 7 Калимуллина Л.А. Современные трактовки категории эмотивности. // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71-80
- 8 Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: Изд-во «Юна», 2002. – 448 с.
- 9 Цыганков С.Б. Обстоятельственные фраземы со значением цели как средство выражения менталитета русского народа // Избранные материалы X Международного конгресса молодых ученых «Перспектива». – Нальчик, 2007. – С. 57-61

L.Yu. Mirzoyeva¹

¹*Suleyman Demirel University, Kaskelen, Kazakhstan*

SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF EVALUATIVE SEMANTICS (CORRESPONDENCE OF AXIOLOGICAL AND LINGUISTIC-CULTURAL COMPONENTS)

Abstract: The article considers emotive means that existed in the Russian language of the XIX century, and it also focuses on analysis of their evolution in diachronic perspective. In addition to study of expressive means in the framework of their correlation with peculiarities of the national world view, the author deals with the problems of generation and perception of values, and with the problem of simulacrum. Ambivalence, expressiveness and specific text modality are considered to be peculiar features of emotive means system in Russian language of the XIX century. Also, the given research touches upon the process of desacralization and its representation in system of emotive means.

Keywords: Means of expressing evaluation, diachrony, evaluative stereotype, norm, simulacrum.

Л.Ю. Мирзоева¹

¹*Сулейман Демирел атындағы Университет, Қаскелен қ., Қазақстан*

БАҒАЛАУ СЕМАНТИКАСЫ ЭВОЛЮЦИЯСЫНЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ (АКСИОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ЛИНГВОМӘДЕНИ БАСТАУЛАРЫНЫҢ ӨЗАРА БАЙЛАНЫСЫ)

Аңдатпа: Мақалада XIX ғасырдағы орыс тілінде көрініс тапқан бағалауды беретін құралдар диахронды аспектіден қарастырылған. Бағалаудың тілдік көріністеріне олардың ұлттық дүниетаным мен қатынасы тұрғысынан жасалған талдаудан басқа, мақалада көрініс категориясының қабылдануымен туындауы, санадағы сакрализация мәселелерімен бұл үдерістің бағалауды білдіру құралдары жүйесіндегі көрінісіне де орын берілген.

Сонымен қатар, өндіру мен өрнек бағалау құралдарын жүйесінде осы процестің сана мен рефлексия құндылықтарын көрініс мәселелері қайсы қабылдау мәселелерін шешеді.

Кілт сөздер: бағалауды білдіру құралдары, диахрония, бағалау стереотиптері, норма, көрініс.

UBTBN 16.31

A. Kurmanali¹, A. Hacımuhan¹

¹*Süleyman Demirel Üniversitesi, Kaskelen, Kazakhstan*

YABANCI DİL OLARAK TÜRKÇE ÖĞRETİMİNDE TÜRK FİMLERİNİN ÖNEMİ

Özet: Bugün küreselleşen dünyada yabancı dil öğrenimi ve öğretimi büyük önem taşımaktadır. Bu ihtiyaç doğrultusunda dil öğretimi alanında pek çok araştırma yapılmakta ve bu araştırmalar sonucunda yeni yaklaşımlar, yöntemler, teknikler, materyaller denenmekte ve en etkili biçimde yabancı dil öğretimi ve öğreniminin gerçekleşmesi hedeflenmektedir. Bulduğumuz bilgi ve teknoloji çağında öğretmenler olarak görevimiz, öğrencilere bilgiyi vermekten çok, öğrencinin doğru bilgiye ulaşması için rehberlik yapmaktır. Bu da ancak öğrencinin dilinden konuşmayı bilmekle sağlanabilir. Dolayısıyla makalede Türkçenin yabancılara öğretiminde teknoloji ürünü olan Türk filmlerinden yararlanmanın önemi üzerinde durulmuş ve yabancı dil olarak Türkçe derslerinde Türk filminin kullanımı ile ilgili bazı önerilerde bulunulmuştur.